

Научная статья

УДК 17.026.4

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10517

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ БОЛЕЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА

Андрей Викторович Исаев

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, isaevandrew@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0139-3112

Аннотация. В статье с позиций практикующего врача рассматриваются духовные философии И. А. Ильина относительно болезни и здоровья человека, исходящие из христианской антропологии. Сравнивая идеи русского философа, с одной стороны, с западной экзистенциальной философией, а с другой, с радикальным гедонизмом современной массовой культуры, в статье выявляется то духовное ядро, которое позволяет понять состояния болезни и здоровья из идеи неслучайности человеческого бытия. Болезнь есть некое послание, которое необходимо расшифровать человеку, чтобы постичь ее смысл. Такая трактовка болезни прямо противоположна современным установкам на уменьшение боли и страданий с помощью биотехнологий. Особое внимание уделяется тексту «О призвании врача», в котором представлен традиционный этический канон отечественной медицины, в котором остро нуждается современная врачебная этика и культура.

Ключевые слова: медицина, экзистенциальная медицина, человек, здоровье, болезнь, биотехнологии, биоэтика, христианская антропология, дух, душа, тело, гедонизм, духовность

Для цитирования: Исаев А. В. Духовно-нравственный смысл болезни и здоровья в философии И. А. Ильина // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 5 (463). Философские науки. Вып. 64. С. 131—139. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10517.

Original article

SPIRITUAL AND MORAL MEANING OF ILLNESS AND HEALTH IN THE PHILOSOPHY OF I. A. ILYIN

Andrey V. Isaev

Voronezh State University, Voronezh, Russia, isaevandrew@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0139-3112

Abstract. The article examines the spiritual philosopheme of I. A. Ilyin regarding the illness and health of a person, coming from a Christian anthropologist, from the standpoint of a practicing doctor. Comparing the ideas of the Russian philosopher, on the one hand, with Western existential philosophy, and on the other hand, with the radical hedonism of modern mass culture, the article reveals the spiritual core that allows us to understand the states of illness and health, based on the idea of the non-randomness of human existence. The disease is a kind of cipher that a person needs to decipher in order to comprehend its meaning. Such an interpretation of the disease is directly opposite to modern attitudes to reduce pain and suffering with the help of biotechnology. Particular attention is paid to the text “On the calling of a doctor”, which presents the traditional ethical canon of domestic medicine, which is so much needed by modern medical ethics and culture.

Keywords. Medicine, existential medicine, human, health, disease, biotechnology, bioethics, Christian anthropology, spirit, soul, body, hedonism, spirituality

For citation: Isaev AV. Spiritual and moral meaning of illness and health in the philosophy of I. A. Ilyin. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(5(463):131-139. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10517.

Введение

Вопросы, связанные с состоянием здоровья человека, относятся не только к области медицинского знания, но являются вечными вопросами философии, религии, этики, то есть имеют отношение духовному бытию. Однако в сложившейся культуре последних двух столетий понятие здоровья преимущественно трактуется в биологическом смысле, в то время как о духовном здоровье чаще говорят в переносном и метафорическом смысле. За этим стоит фундаментальный разрыв между телом, духом и душой, который образовался в рамках секулярной антропологии, работающей по принципу редукции высшего к низшему, духовного к материальному.

Этот биологизаторский подход к человеку негативно отразился на нравственном состоянии медицинской практики, в которой этические дилеммы и коллизии стали обычным явлением. Такие явления, как коммерциализация, утилитаризация и технологизация медицинской сферы, позволяют говорить о ее прежде всего нравственном кризисе. «Что происходит с медицинскими добродетелями, когда в практике медицины сталкиваются различные стили и нормы или когда несоответствие между моральными традициями и моральной практикой в медицине становится велико? Имеется ли в медицине сущностное ядро добродетелей, которое остается инвариантным при социокультурных и исторических трансформациях?» [3, с. 41—417] — так ставил вопрос известный американский философ М. Вартофский в своей работе «Добродетели и пороки: социальное и историческое конструирование медицинских норм» еще в конце 70-х г. XX в.

Ситуация с тех пор стала еще острее и болезненнее, и сегодня гуманистическая практика медицины превращается в механизированный набор технологий, в котором «профессионал» полностью вытесняет человека, а врачебная этика подменяется набором прикладных правил, из которых полностью вытеснено «сущностное ядро добродетелей». Об этом свидетельствуют и отечественные, и западные специалисты [6; 8; 9].

Ситуации дегуманизации культуры, о которой говорили видные мыслители XX в. (Хосе Ортега-и-Гассет, Й. Хейзинга, А. Швейцер и др.), крайне отрицательно сказывается на общей ситуации в медицине, где как раз гуманное отношение к человеку должно быть первой и высшей добродетелью врача. Выяснение причин дегуманизации и обращение к текстам И. А. Ильина, в которых дано религиозно-философское осмысление многих острых медицинских вопросов, связанных со здоровьем и болезнью человека, являются целью данной статьи.

Материалы и методы исследования

Материалом данной статьи являются работы И. А. Ильина «Я вглядываюсь в жизнь» и «Путь к очевидности»; работа К. Ясперса «Разум и экзистенция»; исследования отечественных и зарубежных авторов в области философских проблем медицинской этики (А. В. Рыбин, И. В. Силуянова, Е. В. Фалёв, М. Вартофский, Д. Кейзер, Д. Сокол).

В качестве методов исследования были использованы: этико-философский анализ текстов И. А. Ильина; компаративный анализ религиозно-философских идей И. А. Ильина и экзистенциальной философией К. Ясперса; герменевтический анализ идей И. А. Ильина о болезни и здоровье человека в контексте экзистенциальной медицины.

Экзистенциальная медицина

Дегуманизация коснулась всех областей культуры, и наиболее болезненно это проявляется в медицине, которая изначально по своему дисциплинарному статусу и нравственной миссии должна быть транслятором гуманистических ценностей.

Кризисная ситуация в медицине усугубляется общим духовным кризисом, одним из наиболее сильных показателей которого является радикальный гедонизм. Согласно его установкам, человеческая жизнь сводится к максимальному получению удовольствий максимально возможным путем. Это касается и жизни, и смерти, и болезни, и здоровья. Стремление к наслаждению есть единственный смысл жизни для современного гедонизма, средством достижения которого являются различные, в том числе и биотехнологии. Медицина превращается в сферу коммерческих услуг, направленных не столько на исцеление и оздоровление человека, сколько на минимизацию телесного и психологического дискомфорта. И поэтому, как справедливо отмечают исследователи, в обществе преобладает «скептическое отношение к здоровому образу жизни» [1; 12].

Это и есть дегуманизация медицины, которая проявляется более всего в ее деперсонализации, что сегодня остро ощущается и в России, и на Западе. Запрос на персонализацию, то есть включение человека в поле медицинских практик дало начало такому направлению на Западе, как «экзистенциальная медицина» (М. Босс, П. Уилберг). В контексте этого направления приходит понимание того, что непереносное внедрение «экзистенциального измерения человеческой самости в медицинскую теорию и практику будет отвечать потребности общества в «очеловечивании» медицины. Призыв Гиппократов «лечить человека,

а не болезнь» в XXI веке не может быть реализован без обращения к подлинно человеческому в человеке — его экзистенции. Биологическое, психологическое и социальное измерения ни по отдельности, ни взятые вместе не охватывают «самого человека», существующую в мире индивидуальность. Можно ли эффективно лечить человека, обращая лечение только к его внешним, производным проявлениям?» [9, с. 134].

Исследователь отмечает, что понятие «экзистенциальной медицины» сегодня малоизвестно в России. «Тем не менее хочется надеяться, — отмечает он, — что именно в России с ее богатыми традициями гуманистической медицины (С. П. Боткин, А. В. Вишневский, И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, Н. И. Пирогов) идеи экзистенциальной медицины смогут найти благодатную почву для развития и применения» [9, с. 134]. Действительно, традиции гуманистической медицины в России глубоки и основательны. К вышеуказанному списку необходимо добавить и знаменитые «Записки врача» В. В. Вересаева, которые однозначно можно трактовать в терминах экзистенциального анализа медицинских проблем с сильным акцентом на этические измерения. Здесь необходимо отметить, что это возможно благодаря *духовной традиции медицины*, в основании которой *христианская антропология*, устремленная к целостному пониманию человека, несводимого к его биосоциальным и психологическим проявлениям. И это как раз чаемая на Западе экзистенциальная медицина, но появившаяся уже давно и в ином, христианском контексте.

Вообще для русской философской культуры характерно традиционные для западной традиции экзистенциальные вопросы трактовать в этическом ключе. То, что в западной философии именуется «экзистенциальным», в русской — этическим. И Достоевский, и Толстой, и Платонов и многие другие полностью вписываются в топику экзистенциального дискурса хотя бы по одному, но важнейшему критерию — наличие «пограничной ситуации». И выход из этой ситуации исключительно нравственный.

Этос медицины — это сплошная пограничная ситуация. В этом плане важно обращение к тем авторам, в поле зрения которых были религиозно-философские вопросы, касающиеся медицинских аспектов болезни и здоровья человека как целостного духовного существа, как «образа Божьего», согласно христианской антропологии. Среди таких имен в первом ряду И. А. Ильин, чьи размышления о духовном смысле болезни и исцеления являются в сегодняшней дегуманизированной и деперсонализированной культурной

ситуации как никогда актуальными. Они звучат как антитеза установкам радикального гедонизма, которые, по сути, обесценивают и обесмысливают человеческое существование.

Здоровье и жизнь как дар Божий

В книге «Я вглядываюсь в жизнь» в весьма проникновенной лирико-философской форме представлено множество тонких духовных «раздумий» по различным житейским поводам, в том числе и в связи с болезнью, которую Ильин наряду со скукой, заботой, неудачей, бессонницей, хандрой и в конечном счете бедностью называет «пыткой египетской». Нетрудно заметить, что эти состояния в традиции западной философии носят названия «экзистенциалов», которые Ильин осмысляет этически. В этом большое различие между западной и русской философией: если первая имеет склонность трактовать экзистенциальные состояния в аксиологически нейтральной парадигме, то русская наделяет экзистенциалы нравственным смыслом. Моя «земная особа», говорит, Ильин, «вечно болезненная», указывая тем самым на антропологическое состояние человека, подверженного изъянам своей греховной природы, среди которых болезнь и смерть на первом месте.

Как бы превосходящая современную ситуацию и в то же время указывая на ее повторяемость в истории, философ говорит: «С древнейших времен мечтает носитель коллективного сознания о счастливом “нигде”, утопическом сказочном счастье, стране с молочными реками и кисельными берегами, о рае, где есть лишь радость, наслаждение и абсолютная справедливость, а все остальное — слабость, боль и болезнь, работа и хлопоты, голод и нужда, запрет и грех, преступление и наказание, принуждение и несправедливость — исчезнет раз навсегда» [4, с. 141].

Будучи чутким аналитиком духовных процессов, происходящих в культуре, Ильин выявляет такую ее черту как стремление своими силами изменить природные процессы, поставив их себе на службу. Он называет это «грехом противоестественности», который разрастается как раковая опухоль у современного человека, человека, отверженного исключительно ценностям гедонизма, причем гедонизма плоского, направленного на удовлетворение материальных и физиологических потребностей. «Он гордится своим рассудочным мышлением, — говорит Ильин, — и воображает, что сознательная мысль составляет главную суть и силу жизни. Он воображает, что “культура” одолела природу и подчинила ее себе. Он самодовольный рассудочник и гордец; и думает, что его произвол призван покорить богозданную

природу и, может быть, даже впоследствии заместить ее. Он доходит до того, что выдумывает всякие противоестественные теории и способы жизни и ставит все вверх ногами» [4, с. 267].

Это пророческие слова философа, который разглядел в первой половине XX века то, что сегодня достигает небывалых размеров в биотехнологиях, а именно желание выйти за пределы человеческой природы и сконструировать искусственного «постчеловека», который не будет болеть, страдать и умирать. Но уже не будет и человеком. Такая явно утопическая идея использовать научно-техническое развитие для достижения целей радикального гедонизма. Гедонизм, таким образом, можно определить как утопическое коллективное сознание о счастливом «нигде», которое в современной терминологии называется массовым сознанием. Суть одна и та же — желание беспроblemного существования, за которым стоит непонимание реального этико-метафизического устройства наличного бытия, которое часто русские философы называли «болезнью бытия», подчеркивая неустранимость страдания и смерти, в духовном преодолении которых человек проявляет свое нравственное достоинство.

Следствием гедонизма является такое весьма распространенное сегодня явление, как гиперозабоченность о своем здоровье. Достаточно посмотреть на количество различных практик, тренингов, курсов, направленных исключительно на внешнее здоровье и физическое усовершенствование своего тела. Появилось такое направление, как биохакинг, которое можно рассматривать как симптом духовного недуга, поскольку забота о здоровье здесь выходит за все разумные рамки и становится формой психической одержимости. Весь горизонт жизни замыкается на одну цель, которая в итоге обесценивает жизнь, лишает ее всяческого смысла. Человек уже не понимает, зачем ему нужно хорошее здоровье, он не ставит перед собой никаких духовных и метафизических вопросов. Ильин и по этому поводу произнес глубокие и умудренные слова, имеющие пророческий характер: «Как это томительно, все время думать о своем здоровье... вечно беречься, всего опасаться, обходиться без запряженного и все спрашивать: не повредит ли мне то-то и то-то? Вся жизнь наполняется страхом и опасениями... Все время наблюдаешь за собой, живешь с оглядкой, становишься сам себе тюремным наблюдателем... Радость жизни исчезает. Душой овладевает мнительность, ипохондрия. Не жизнь, а прозябание. Кому и зачем нужна такая жизнь?» [4, с. 264]. Вся философия Ильина является антитезой массовым ценностям гедонистической культуры, которую он называл бессердечной.

Одна из основополагающих духовных установок Ильина заключается в идее *неслучайности человеческого бытия*, которое всегда исполнено высшего смысла и предназначения. Эта идея противостоит как *биологическому детерминизму*, так и *волюнтаризму существования* — двум наиболее распространенным идеологиям, исключающих действие высшего метафизического начала в истории и жизни каждого конкретного человека. Ильин утверждает, что ничего в жизни не является бессмысленным и случайным, включая и болезнь, и даже смерть. Все имеет свое «таинственное предназначение», исполненное высшего смысла. И все это нужно принимать как дар.

Это парадоксальная и совершенно неприемлемая с позиций современного гедонизма мысль о том, что такие негативные и депрессивные состояния, как бессонница и болезнь, могут быть даром. Жизнь воспринимается не как дар, а как естественная данность, которая находится в полном распоряжении человека, имеющего на нее свои эксклюзивные права, позволяющие ему распоряжаться ей по своему усмотрению. Если смотреть на жизнь не как на дар, но как на естественную данность, тогда оправдываются такие феномены, как эвтаназия, аборт, трансгендерные эксперименты и т. д.

С точки зрения святоотеческого наследия, в лоне которого пребывает мысль Ильина, это совершенно неприемлемо. Здесь совершенно иная аксиология, иерархия ценностей выстроена таким образом, что *жизнь* воспринимается как *дар Божий*, что предполагает не только позитивные блага (радость, удовольствие, счастье), что несомненно, но и испытания, проявляющиеся во многом в болезни, в телесных страданиях. И не бегство от страданий, а наоборот, умение понять страдание как испытание, которое также от Бога, является знаком духовной мудрости человека.

Духовный смысл болезни

в контексте экзистенциальной философии

Как бы описывая и предвосхищая современную тенденцию по отношению к болезни, И. А. Ильин говорит о «нетерпеливом произволе», в основе которого желание моментального избавления от всего неприятного, противоречащего нормам комфортного существования современного человека. Отсутствие терпения, неумение ждать — таковы свойства современной ментальности, во всем ищущей максимального комфорта и поэтому пытающейся уклониться от страданий. И современные биомедицинские технологии как раз и служат этому: они, как было сказано выше, не столько исцеляют, сколько избавляют от диском-

форта. Но при этом упускается нечто существенное: духовный смысл послания, заключенного в страданиях.

Следующее высказывание Ильина можно воспринимать как философское кредо относительно болезни и здоровья, в котором раскрыт их духовный смысл: «Здоровье есть нечто большее, чем люди обычно думают... Здоровье есть предначертанная Богом и угодная Ему гармония между личной природою и личным духом. Каждый человек создан для здоровья и призван к тому, чтобы быть здоровым. В больном виде мы не соответствуем нашему назначению и Божьему замыслу; какая Ему радость от наших уродств и мучений?.. Он посылает нам недуг для того, чтобы мы выздоровели, как путь к здоровью. Поэтому болезнь есть как бы таинственная запись, которую нам надо расшифровать: в ней записано о нашей прежней, неверной жизни и потом о новой, предстоящей нам, мудрой и здоровой жизни. Этот “шифр” мы должны разгадать, истолковать и осуществить. В этом — *смысл болезни*» [4, с. 268—269].

Ильин использует термин «шифр», который является ключевым для экзистенциальной философии К. Ясперса. Основой подлинности является «шифр трансценденции», о котором немецкий философ в работе «Философия экзистенции» пишет следующее: «Трансценденция есть все для нас, поскольку то, что есть для нас в существовании подлинное бытие, есть такое бытие лишь в соотношенности с трансценденцией, или как шифр трансценденции» [10, с. 245]. И когда Ильин говорит: «Все, что хочет высказаться, должно непременно высказаться», на языке экзистенциальной философии это называется «знаком», «смыслом», «шифром». Боль в этом смысле является «метафорой», посылаемой нашей экзистенцией, которую необходимо расшифровать.

Примечательно то, что и книга Ильина «Я вглядываюсь в жизнь» и работа Ясперса «Философия экзистенции» выходят одновременно в 1938 году. Это свидетельство общей экзистенциальной устремленности философии к подлинности человеческого существования. Ильин в этом смысле является экзистенциальным философом, с той лишь разницей, что если для западной традиции философии расшифровка «шифра трансценденции», в том числе и болезни, предполагает герменевтические практики работы с языком и текстом, то в случае нравственной философии И. Ильина расшифровка смысла болезни означает вживание в ее боль, осознание ее, и в итоге изменение жизни, которое приводит к исцелению. Если все это «снять» в «нетерпеливом произволе» с помощью медицинской анестезии, то уходит шанс расшиф-

ровки экзистенциального, то есть духовного послания, а значит, изменения жизни.

Такое духовно-нравственное понимание смысла болезни Ильиным находит подтверждение в его трактовках этого феномена, с которым мы встречаемся на протяжении всей книги.

Например, духовный смысл болезни еще и в том, что через нее человек может почувствовать свое одиночество. Одиночество — одно из предельных экзистенциальных состояний, в котором можно прочувствовать все трагические моменты своей жизни (несчастливая любовь, смерть родителей, несправедливость).

Для достижения подлинного духовно-нравственного состояния человека важна связь болезни и вины, на которую особо указывает Ильин. Здесь реализуется особая нравственная причинно-следственная связь: есть болезнь, значит есть и вина, пуская не явная, не осознанная, глубока запрятанная в недрах нечистой совести. Но чем сильнее болезнь, тем сильнее возможность прозреть в причины своей вины. А эти причины могут скрываться в бессознательных пластах души, который как раз болезнь и помогает выявить.

Через болезнь трактуются разные негативные состояния духа, например ненависть. Это, согласно Ильину, «душевная болезнь», для которой характерно упорство в отрицании, не видении ничего позитивного ни в чем. В святоотеческой литературе такое состояние называют «окаменным нечувствием». Это несчастье человека, которое преграждает путь к счастью, к которому стремится всякой человек. Путь к счастью, что является целью стремлений большинства разумного человечества немислим без осознания и переживания болезни. Искусство лишений», о котором говорит Ильин, есть та добродетель, которая абсолютно не вписывается в формат современного радикального гедонизма.

Затрагивает Ильин и такое важное проявление болезни духа, как духовные скитания и метания, наподобие тех, которых описывают Гете («Фауст») и Байрон. На первый взгляд они как будто привлекательны, в них происходит разрыв с обыденностью, мещанством, пошлостью повседневного рутинного существования. Такой своего рода духовный героизм, в котором Ильин усматривает духовную патологию, ведущую к идее сверхчеловека.

Исцеление и христианская антропология

Философ не только критикует и разоблачает духовные недуги, но и предлагает позитивную программу исцеления от них. Сам процесс исцеления у Ильина основывается на установках

христианской антропологии о духовно-телесной структуре человека. Только принимая это в расчет можно надеяться на подлинное исцеление. Философ выделяет две антропологические инстанции — инстинкт и дух, которые принимают участие в процессе выздоровления. В его понимании здоровье — это не только телесное, но и духовное здоровье, их гармоничное взаимосоглашение. Это крайне редкое и трудное состояние, но в этом и смысл духовной работы человека, которая приближает его к этой искомой уели антропологической целостности — синергии души и тела, инстинкта и духа.

Очень интересные и важные мысли Ильина о «внутреннем Враче», который есть у каждого человека и с помощью которого осуществляется связь с той глубиной «*инстинктивной духовности*», где живет «творческое зерно здоровья»; это и есть «*дар органического самоцеления*». «Таинственный Врач твоего инстинкта, — говорит философ, — мудрее и дальновиднее тебя. Он во всем требует *равновесия, целесообразности и меры*. Он есть воплощение *молчаливой творческой мудрости*. А от нас он требует — *внимания и повинения*; и за это он посылает нам *здоровье*: само себя поддерживающее равновесие жизни, и легкое, бодрое самочувствие...» [4, с. 266].

И отсюда уже следуют практические рекомендации, как врач и больной совместно, понимая значимость обоих составляющих инстинкта и духа, должны идти к восстановлению заболевшего. Необходимо понимать, что больному идет ему на пользу. Прежде всего это физиологические и гигиенические меры, такие как здоровый сон, полноценный отдых, правильное питание, режим дня, ежедневные прогулки на свежем воздухе, позитивной настрой и т. д. Все это способствует созданию благоприятной духовной обстановки, в которой может открыться главное — смысл болезни.

Здесь мы выходим на самый важный вопрос: что болезнь сообщает человеку, каков смысл ее духовного послания? Если понимать не случайность своего бытия, то обязательно человеку открывается смысл болезни. Но для этого необходима «дешифровка» ее духовного смысла, которая сближает святоотеческую мысль Ильина с экзистенциальной философией К. Ясперса. На языке христианской этики процесс дешифровки называется духовным преображением человека. Болезнь выступает в роли метанойи, вся жизнь теперь делится на «до» и «после». В свете болезни приходит прозрение, что жизнь как дар Божий не случайна, что в ней много великого, прекрасного, таинственного, которое никогда не ценилось в по-

гоне за мнимыми благами. Приходит ощущение временности своего бытия, что на языке экзистенциальной философии зовется конечностью, являющейся условием подлинного существования.

Но главный «духовный дар» болезни в раскрытии смысла страданий, «что их нужно принимать как должное, что человечество непрестанно страдает и что предназначение страдания — дать понять человеку законы творения и волю Создателя, что вообще человек через страдания приходит к отрезвлению, просветлению, к совершенствованию; что самое важное в жизни — обрести через каждое страдание частицу *истинной веры и истинной мудрости*» [4, с. 106]. Это самое антигедонистическое положение духовной философии Ильина, радикально идущее в разрез с установками современной массовой культуры, которая всячески избегает страданий, лишая себя тем самым возможности просветления и обретения истинной мудрости, не говоря уже о вере. Но ни вера, ни мудрость не являются добродетелями современного общества, основанного на «эвтаназийной парадигме» [2].

Сколько сегодня существует различных психологических тренингов, направленных на достижение «счастливой» жизни, то есть жизни, из которой исключены всяческие нравственные измерения, в которых человек оказывается «духовно стерилизованным», готовым для биотехнологических манипуляций по достижению абсолютного здоровья и неограниченной во времени жизни, вплоть до бессмертия. И не случайно, что сегодня так популярны иммортологические трансгуманистические проекты. Но они, увы, не спасают человека от скуки бессмысленного существования, которое отражается в том, что сегодня чрезвычайно велик уровень психологического нездоровья. Такие явления, как ноогенный невроз, экзистенциальная фрустрация, различные фобии и депрессии приобрели повсеместный характер. Этому всему может быть противопоставлено подлинное искусство жизни, о котором говорит Ильин.

«Серое повседневное существование» еще одно пророчество Ильина о грядущей бессердечной культуре, в которой так много развлечений, но так мало смысла. И поэтому духовное опустошение и смертельная скука, требующая экстраординарных развлечений. И вот такой замкнутый круг: развлечения порождают скуку, которая требует все новых и новых изощреннейших развлечений, порождающих еще более тяжкую форму скуки.

Следующий совет философа может оказать практическую помощь современному, духовно ослабленному человеку, который панически боит-

ся болезни и страданий и прибегает ко всяческим неимоверным ухищрениям, чтобы избежать их. Ильин говорит: «Воспользуйся для этого своей болезнью: она должна не только исцелить тебя (ибо в этом ее призвание), но и умудрить. А мудрость дается только через испытание и страдание. Поэтому не сердись на свою болезнь; “дай себе отпуск”; представь себе, что ты уехал в путешествие и должен привести с собою — дружбу со своим Врачом, дар здоровья и органическую мудрость» [4, с. 269].

Морально-этическая сущность врачебной практики

В одной из главных своих книг «Путь к очевидности» есть раздел, который называется «О призвании врача». Это письмо, адресованное Ильину его хорошим знакомым врачом с просьбой опубликовать его после смерти. Ильин выполнил это пожелание, охарактеризовав это письмо как «своего рода человеческое и врачебное «credo».

Это письмо является чрезвычайно важным для понимания традиций отечественного врачевания, сохранение которых представляется очень актуальным для современной врачебной этики в целом. Будучи выражением «культурной традиции русского врача», по словам автора этого письма, оно представляет собой и врачебное кредо, как говорит Ильин, и своеобразный гимн духовной миссии врача. Как завет будущим поколениям звучат слова автора: «Я бы хотел вручить Вам эти отрывочные замечания как своего рода “исповедание” старого русского врача. Это не мои выдумки. Я только всю жизнь применял эти правила и теперь выговорил их. Они укоренены в традициях русской духовной и медицинской культуры и должны быть переданы по возможности новым подрастающим поколениям русских врачей» [4, с. 483].

Очень важно, что это письмо стало предметом пристального внимания известного современного православного биоэтика И. Я. Силюяновой, которая дала расширенный комментарий к этому документу в своей книге, которая так и называется «Избранные. О призвании врача». Квинтэссенцией ее комментария является указание на православную обусловленность национальной практической медицины, проявленной в нравственной сфере. Исследователь пишет: «Речь идет о морально-этической сущности врачебной практики, как особой форме отношений между людьми, в частности между врачом и страдающим человеком» [7, с. 26].

Основная добродетель русского врача, совпадающая с православной этикой, заключается в том, что деятельность врача есть служение, предполагающее прежде всего не доход, а любовь и со-

страдание к больному человеку, то есть к своему ближнему. И не случайно, что этот врач называет болящего не пациентом, а братом. Это как раз то, чего не хватает современности, которая характеризуется истощением нравственных основ медицинской деятельности. [7, с. 28].

В завершение хотелось бы привести слова Ильина о необходимости заботиться о здоровье души, сказанные, правда, по поводу философа, но которые мы считаем уместным применить к каждому человеку: «В жизни философа душа является орудием богопознания. Естественна и необходима забота о здоровье, чистоте и гибкости этого орудия, о его непомраченности и свободе. Целостно испытать сверхчувственный предмет значит сделать свою душу одержимую им. Но для этого душа должна быть способна к произвольному сосредоточению внимания, к непредвзятому подходу, к целостной преданности предмету, к легкой покорности его зовам и откровениям; она должна владеть и бурями своих страстей, и своими жизненными предрассудками, и своими житейскими попечениями» [4, с. 52].

Образ философа является нравственным идеалом духовной чистоты, которая способна найти меру для того, как сохранять в должном и достойном для человека виде тело.

Заключение

Современное состояние общества и культуры все чаще характеризуется исследователями в терминах дегуманизации. Затрагивает это и сферу медицины, для которой эти явления имеют фатальный характер, поскольку на смену нравственным и человеческим отношениям между врачом и пациентом приходят инструментально-технологические отношения.

В контексте западной философии медицины появилось такое направление, как «экзистенциальная медицина», которая пасется преодолеть кризисные процессы, связанные с дегуманизацией. В русской культуре есть собственные аналоги этого направлению, которые появились раньше и имеют глубокую укорененность в традициях христианской духовности, в частности православной антропологии. В качестве наиболее яркого представителя данного направления рассматриваются воззрения И. А. Ильина на природу и смысл болезни и здоровья.

Реконструкция идейного наследия русского философа позволяет по-новому посмотреть на такие феномены, как болезнь и здоровье, жизнь и смерть, страдание и счастье, вина и наказания и т. д. Особенность подхода Ильина в том, что он внедряет религиозно-нравственные понятия

в физиологическую область медицины. Это имеет большое эвристическое значение, поскольку помогает болящему понять духовный смысл своей болезни, с которым вероятно и связано его исцеление. Но для этого необходимо применить метод «дешифровки» духовного послания болезни, который сближает идеи И. А. Ильина с экзистен-

циальной традиций западной философии, прежде всего с идеями К. Ясперса.

Представляется, что этот метод имеет большое практическое значение, и реально может обогатить существующую медицинскую практику как в области врачебной этики, так и в практике исцеления различных заболеваний.

Список источников

1. Акоев А. Р. К вопросу о формировании культуры здоровья молодежи в современном мире // Проблемы современного педагогического образования. 2021. С. 12—14.
2. Варава В. В. Taedium vitae или иммортологическая тривиализация смерти // Вестник МИРБИС. 2020 № 4. С. 167—177.
3. Вартофский М. Добродетели и пороки: социальное и историческое конструирование медицинских норм // Модели. Репрезентация и научное понимание. М. : Прогресс, 1988. С. 416—448.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1994. 592 с.
5. Кейзер Б. Танцы со Смертью: Жить и умирать в доме милосердия. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. 432 с.
6. Рыбин В. А. Эвтаназия. Медицина. Культура: философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. М. : ЛИБРОКОМ, 2014. 110 с.
7. Силуянова И. В. Избранные. О призвании врача. М. : Фома Т, 2008. 256 с.
8. Сокол Д. Не судите. История о медицинской этике и врачебной мудрости. М. : АСТ, 2020. 352 с.
9. Фалёв Е. В. Питер Уилберг и понятие экзистенциальной медицины // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 128—136.
10. Ясперс К. Разум и экзистенция. М. : Канон+, 2013. 336 с.

References

1. Akoev AR. On the issue of forming a culture of youth health in the modern world. *Problemy sovremenogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2021:12-14. (In Russ.).
2. Varava VV. Taedium vitae or immortological trivialization of death. *Vestnik MIRBIS*. 2020:4:167-177. (In Russ.).
3. Vartofsky M. Virtues and Vices: The Social and Historical Construction of Medical Norms. In: *Modeli. Reprzentacija i nauchnoe ponimanie*. Moscow: Progress; 1988. Pp. 416-448. (In Russ.).
4. Ilyin IA. Collected Works. Vol. 3. Moscow: Russian book; 1994. 592 p. (In Russ.).
5. Keyser B. Dances with Death: Living and dying in a mercy house. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House; 2017. 432 p. (In Russ.).
6. Rybin VA. Euthanasia. The medicine. Culture: Philosophical Foundations of the Modern Socio-Cultural Crisis in the Medical and Anthropological Aspect. Moscow: LIBROKOM; 2014. 110 p. (In Russ.).
7. Siluyanova IV. Favorites. About calling a doctor. Moscow: Publishing house of Foma T LLC; 2008, 256 p. (In Russ.).
8. Sokol D. Don't judge. A story about medical ethics and medical wisdom. Moscow: AST, 2020. 352 p. (In Russ.).
9. Falev EV. Peter Wilberg and the concept of existential medicine. *Voprosy filosofii*. 2020;1:128-136. (In Russ.).
10. Jaspers K. Mind and Existence. Moscow: Kanon +; 2013. 336 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Исаев А. В. — кандидат медицинских наук, доцент.

Information about the author

Isaev A. V. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 05.06.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 05.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.